

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Логос, 2001.
2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М. : Наука, 1996. С. 90 – 141.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотипы и творчество. Екатеринбург, 1996.
4. Покровская Е.В. Газета в современной культурно-речевой ситуации // Рус. речь. 2005. № 5. С. 69 – 74.

~ ~ ~

**Active word-formative processes
in the language of modern journalism**

There is regarded the urgent issue of newspaper word formation, analysed the most efficient word-formative models, language mechanisms of their forming. There is also considered the occasional word creation and abbreviations in press. The language of journalism is researched from the position of the cognitive linguistics.

Key words: *journalism, language, word formation, word-formative model, expressivity, occasionalism, abbreviation.*

Ю.А. ГРУЗДЕВА
(Ульяновск)

**СЕМАНТИКА
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
В СТРУКТУРЕ РАССКАЗОВ
А.П. ЧЕХОВА 1890-х гг.**

Рассмотрены молчание и вставной рассказ героя как элементы изображённой коммуникации и проанализирована их роль в активизации композиционных связей произведения и читательского восприятия.

~ ~ ~

Ключевые слова: *коммуникация, молчание, вставной рассказ, композиция, структура, семантика, функционирование.*

Современное чеховедение признает несомненным интерес А.П. Чехова к художественному исследованию проблем коммуникации

между людьми, определяющий как специфику его концепции личности, так и многие черты поэтики произведений писателя. Особенности изображения Чеховым коммуникации героев и связанные с ними особенности взаимодействия слова автора и слова героя изучены довольно полно [1 – 6], однако неисследованной остается проблема функционирования различных коммуникативных элементов (элементов изображенной коммуникации) в структуре повествовательных произведений А.П. Чехова.

Обратимся к рассмотрению молчания и вставного рассказа персонажа как противоположных полюсов коммуникативного акта. Оба интересующих нас коммуникативных элемента в рассказах Чехова весьма разнообразны семантически, но в структуре произведения отчасти сближаются функционально. Данные элементы связаны с коммуникативной ситуацией, под которой мы понимаем соотношение субъектов, обстоятельств коммуникации и способов коммуникативного поведения. Молчание неразрывно связано с речью человека, оно является структурным звеном коммуникативного акта. По мнению исследователей, «у молчания и речи есть общий предмет», «молчание получает свою тему от разговора» [13, с. 170]. Кроме того, отмечается, что «в процессе непосредственной коммуникации молчание и слово выступают одинаково активно» [8, с. 12]. Молчание как «действие, производимое субъектом и относящееся к объекту» отличается от тишины как «состояния бытия» [13, с. 180].

В рассказах Чехова 1890-х гг. молчание нередко сопровождает диалоги персонажей, выполняя при этом разнообразные функции в структуре произведения в целом. Субъектами молчания могут выступать как конкретные персонажи (*Татарин замолчал, Манюся молчала* и т.п.), так и некоторые группы персонажей (*Мы помолчали, Все молчали*). Молчание может быть и внешне бессубъектным. Так, в рассказах «Жена», «Убийство», «В овраге» и др. говорится: *Наступило молчание*; в повести «Палата № 6»: *Наступает молчание*.

Встречаются в произведениях анализируемого периода молчание бессодержательное, когда фиксируется лишь сам факт молчания персонажа (персонажей), и молчание, обладающее определенным содержанием. К последнему относятся такие случаи: *Наступило молчание, в продолжение которого жена и Иван Иванович, вероятно, ждали, когда я уйду*

(«Жена») [11, с. 18], *Все молчали <...> и каждый думал о том, какая она* (Оля. – Ю.Г.) *была прежде и какая теперь* («Володя большой и Володя маленький») (Там же, с. 255); *Яков молчал и все ждал, когда уйдет Матвей* («Убийство») [12, с. 47]. Кроме того, молчание соотносится у Чехова с вариативностью коммуникативного поведения персонажа. Нередко герой хочет что-то сказать, но молчит или ему «нужно молчать», т. е. из двух вариантов – говорить или молчать – герой сознательно выбирает молчание в силу складывающейся коммуникативной (и сюжетной) ситуации. Молчание также может быть связано с неспособностью говорить от волнения, сильной эмоциональной напряженности момента (ситуации, когда герой «не может выговорить ни слова»).

Как видим, в молчании, соотнесенном с субъектом и коммуникативной ситуацией, с большей или меньшей определенностью проявляются план персонажа, особенности его восприятия и поведения, которые фиксирует повествователь. Являясь звеном коммуникации между героями, молчание входит в состав «ремарки» повествователя к реплике в разговоре: *сказал после некоторого молчания, добавила она, помолчав немного* и т.п. При этом молчание совмещает в себе объективность повествователя и субъективное настроение героя, с точки зрения которого может даваться ссылка на содержание молчания. Молчание всегда кем-то воспринято, обусловлено ситуативным состоянием и настроением действующих лиц, хотя внешне оно нейтрально и как будто не связано с тем, что происходит в мире героев в данный момент.

В структуре рассматриваемых произведений молчание выполняет ряд важных функций, среди которых отметим характерологическую, композиционную и коммуникативную. Иногда молчание у Чехова становится частью характеристики того или иного персонажа. Молчаливостью характеризуются, в частности, Дымов («Попрыгунья»), Марфа («Скрипка Ротшильда»), Ипполит Ипполитыч («Учитель словесности»), князь Мактуев («Ариадна»), доктор Нешапов («В родном углу»), Липа («В враге»), Андрей Андреич («Невеста»). При этом молчаливость оценивается как положительно, так и отрицательно, способствуя в определенной степени проявлению авторского отношения к героям.

Молчание может принимать участие в композиционной организации произведения, становясь каркасом как для отдельного эпи-

зода того или иного рассказа, так и для всего произведения в целом. Композиционная функция молчания тесно переплетается с коммуникативной функцией воздействия на читателя. Молчание можно считать одним из способов «переключения» внимания читателя с внешних событий на внутренний процесс, происходящий в душе героя. При этом Чехов не поясняет, что происходит во внутреннем мире персонажей во время их молчания. Отсюда следует крайне высокая значимость, во-первых, композиционного аспекта (расположение материала, организация коммуникации в произведениях), во-вторых, коммуникативного: требуется большая читательская активность для оценки тех перемен, которые происходят с героями. Важно то, какие слова предшествуют молчанию и какие слова, жесты, действия следуют за ним. Таким образом, молчание соотносится с контекстом, ближайшим и широким, что и должен понять и воспринять активный читатель.

Вставной рассказ героя, как и молчание, является в произведениях Чехова 1890-х гг. органичной частью общения персонажей и повествовательной ткани в целом. Специфика повествовательных произведений состоит в том, что «к монологу повествователя <...> подключаются диалоги и монологи персонажей», которые «зачастую тесно переплетены и нередко переходят один в другой: в рамках живых бесед возникают <...> пространственные монологические высказывания» [10, с. 84]. По форме вставной рассказ представляет собой монолог конкретного персонажа, более или менее развернутый, повествовательный, как правило, о действиях внесюжетных персонажей или о прошлом опыте самого рассказчика. При этом вставной рассказ сочетает в себе монологическую и диалогическую тенденции, поскольку он диалогичен по направленности, адресован другому – слушателю. Молчание же обладает автокоммуникативной направленностью, т.к. даже когда молчат все, каждый из молчащих, очевидно, погружен в себя.

Герой Чехова – это человек по преимуществу не действующий, а говорящий, поэтому для раскрытия образа персонажа и смысла всего произведения очень важна речь героев, и особенно их собственные рассказы. Субъектом рассказывания является конкретный персонаж, который, как правило, сам выступает его инициатором: Матвей Саввич («Бабы»); Шамохин («Ариадна»), Семен Толковый («В ссылке») и т.д.

Вставные рассказы в произведениях Чехова данного периода можно разделить на два типа: иллюстративные и сюжетообразующие. К первым относятся рассказы, с помощью которых герой стремится объяснить свое положение (Силин, «Страх»; Матвей – о своей службе на заводе, «Убийство»), свою точку зрения (Иван Иванович – о случае под Полтавой, «Жена»; Семен Толковый – о ссыльном барине Василии Сергеевиче, «В ссылке»). Сюда же отнесем и рассказы, возникающие по ассоциации с происходящими событиями, вызванные непосредственной реакцией персонажа на те или иные явления (Иван Великопольский, «Студент»; Власич, «Соседи»). Сюжетообразующие рассказы являются основным событием произведения, обрамленным сюжетной рамкой, создающей ситуацию рассказывания и мотивирующей последующее вставное повествование персонажа (Михаил Карлович, «Рассказ старшего садовника»; Матвей Саввич, «Бабы»; Шамохин, «Ариадна»; рассказы героев «трилогии»: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви»). Конечной целью такого рассказа для персонажей Чехова является иллюстрация какого-либо явления, обоснование своей точки зрения на него. Эти рассказы характеризуются большей развернутостью и самостоятельностью, независимостью субъекта рассказывания.

Как правило, содержанием вставных рассказов является отражение прошлого опыта рассказчика, его воспоминания о каком-либо случае или эпизоде своей жизни. Нередко герой Чехова испытывает потребность говорить (Силин, «Страх»; Шамохин, «Ариадна») или сама ситуация располагает к рассказыванию («Человек в футляре», «Бабы»). Таким образом, субъективные особенности персонажа в соотношении с создавшейся ситуацией определяют вариант коммуникативного поведения героя – его рассказ.

В обоих случаях рассказы вырастают из диалога между персонажами, являются его неотъемлемым звеном. Они представляют собой цельное повествование, внутренне структурированное, сближающееся с собственно авторским по способу воспроизведения речи и поступков различных персонажей. Точка зрения героя-рассказчика вырастает и проясняется из взаимодействия с точками зрения тех лиц, о которых он рассказывает. Вставные рассказы иногда могут прерываться описанием состояния или положения рассказчика и его слушателей в момент рассказывания, т.е. субъектив-

ный план персонажа перемежается с объективным взглядом повествователя.

Вставной рассказ персонажа, как и молчание, выполняет в структуре рассматриваемых произведений характерологическую, композиционную и коммуникативную функции. Безусловно, факт рассказывания является немаловажным поступком героя-рассказчика, характеризующим его стремление к контакту с окружающими. Однако вставной рассказ характеризует также и слушателей, тем более, если учесть, что для персонажей он не всегда является желательным («Страх»), иногда оставляет их равнодушными («Убийство») или даже недовольными. Например, рассказ Ивана Ивановича «не удовлетворил ни Буркина, ни Алехина», т.к. им хотелось «говорить и слушать про изящных людей, про женщин» («Крыжовник») [12, с. 281]. Иногда рассказ, напротив, вызывает отклик, понимание вопреки ожиданию рассказчика («Студент»). Вставной рассказ персонажа сам по себе имеет определенный смысл, но в контексте («раме», обрамляющей его) приобретает новое значение. Таким образом активизируются композиционная и коммуникативная функции.

Как правило, в произведениях Чехова рассказы героев соотносятся с происходящими в изображаемом мире событиями. Читателю дается возможность не только «услышать» героя, но и «увидеть» его в реальной жизни, во взаимоотношениях с другими людьми. Кроме того, автор не описывает перемены в душах героев, несомненно, вызванных рассказанным и услышанным. Для этого читателю необходимо воспринять рассказ героя композиционно, в его взаимосвязях с коммуникативным и событийным контекстом.

Исходя из сказанного выше, мы можем сделать следующие выводы.

1. Располагаясь на противоположных полюсах коммуникативного акта, молчание и вставной рассказ персонажа так или иначе совмещают в себе монологическую и диалогическую тенденции (преимущественно вставной рассказ), субъективное и объективное начала (преимущественно молчание), таким образом усложняя коммуникативную ситуацию в рассказах Чехова 1890-х гг.

2. Данные коммуникативные элементы выполняют в произведении ряд общих функций, активизируя композиционный уровень и выступая в роли стимулов читательской активности.

3. Являясь составляющими изображенной коммуникации, рассмотренные элементы тес-

но связываются с элементами других уровней, становясь частью общей структуры произведения, и в этом качестве могут быть целостно восприняты и охарактеризованы.

Литература

1. Андреева Е.В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
2. Изотова Н.В. Об изменениях в структуре диалогов прозы А.П. Чехова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2004. № 3. С. 29 – 36.
3. Изотова Н.В. О своеобразии диалога художественной прозы // Рус. яз. в школе. 2000. № 6. С. 72 – 77.
4. Кожевникова Н.А. Язык и композиция произведений А.П. Чехова. Н. Новгород, 1999.
5. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Яз. слав. культуры, 2005.
6. Степанов С.П. Речь повествователя и речь персонажей в рассказе А.П. Чехова «Анна на шее» // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. : 2. 1993. Вып. 1 (№ 2). С. 92 – 94.
7. Бердников Г.П. О некоторых «секретах» емкости чеховской прозы // Его же. Над страницами русской классики. М. : Современник, 1985. С. 296 – 345.
8. Груздева Е.Ф. Слово – серебро, молчание – золото // Рус. речь. 1993. № 1. С. 10 – 15.
9. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.
10. Нестеров И.В. Диалог и монолог // Рус. словесность. 1996. № 5. С. 81 – 86.
11. Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Правда, 1970. Т. 5 : Рассказы, повести, статьи 1891 – 1895.
12. Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Правда, 1970. Т. 6 : Рассказы и повести 1895 – 1903.
13. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2006.

Semantics and functioning of communicative elements in the structure of the stories by A.P. Chekhov of 1890s

There is considered the silence and inserted story of a character as the elements of represented communication and analysed their role in the activation of compositional relations of the story and readers' perception.

Key words: *communication, silence, inserted story, composition, structure, semantics, functioning.*

А.В. БУРЦЕВА, И.В. РЫЖКОВА
(Мурманск)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Представлены наиболее острые проблемы языковой ситуации в Мурманской области, коммуникативные ресурсы функционирующих в области языков, базовые языковые потребности, а также потребности жителей региона в области языкового образования.

Ключевые слова: *языковая ситуация, языковые потребности, коммуникативный ресурс языка, функционирование языка.*

Мурманскую область можно отнести к моноязычным регионам Российской Федерации, т. к. на ее территории функционирует только государственный язык – русский. Казалось бы, нет причины поднимать вопрос о проблемах языковой ситуации. Однако это не так. Мурманская область обладает ярко выраженной спецификой, обусловленной доминированием городского населения, международными связями и полиэтничностью. Данные факторы накладывают отпечаток на языковую ситуацию в регионе, формируя его неповторимый лингвистический портрет.

По данным переписи населения 2002 г., в Мурманской области проживало 892 534 человека, а по оценкам за 2006 г. – 864 607, при этом 790 323 из них проживают в городах, и только 74 284 человека составляют сельское население региона. Это является существенным фактором характеристики языка области с точки зрения его деления на общенациональную и диалектную формы, т.к. именно в сельских районах сохраняется поморский говор, не распространенный в городах региона [6]. На территории Мурманской области проживают народы различных национальностей: русские, малочисленные народы Крайнего Севера (коми, саами), переселенцы из стран СНГ, приехавшие сюда после 1991 г. Необходимо также отметить, что и до 1991 г. миграция в регионе была достаточно активной, что обусловлено множеством причин, прежде всего многонациональным составом Военно-морского Северного, торгового и рыболовецкого флотов.

Население Кольского края состоит из русских – 760 862 чел., украинцев – 56 845, бело-